

● ● ●
Себя обретаешь ты в городе тихом:
У города тихого в сердце—река,
за городом тихим растёт земляника,
над городом тихим плывут облака.

И время течёт, словно в детстве, неспешно:
и думаешь—час, но прошло пять минут,
и ты забываешь, что смерть неизбежна,
и вовсе о смерти не думаешь тут.

А думаешь завтра за город поехать
по ягоды, рано, ни свет ни заря,
не станет туман невесомый помехой,
и милое дело себя так сверять

с собою самим. Настоящим. Таким, как
когда-то давно был. А вспомнить—легко.
«Заезженную,—скажут,— снова пластинку
включил ты». Простите. Но звук-то—каков!..

● ● ●
В сентябре арбузы слаще,
дни короче, злее осы.
Вспомни, мальчик, был ли мальчик,
задавал ли он вопросы
о мироустройстве, или,
проще, о грибах на зиму?
Мысли-пули бьют навывлет
чётко и необъяснимо.

Музыкальная шкатулка
отыграла, отыграла.
С памятью по переулкам,
значит, проходить сначала.
Переулки, перестуки,
дождь с утра, грибы в корзине,
осень с привкусом разлуки,
деревенское предзимье.

...От арбузов—только корки,
а грибы уже в кастрюле.
День печальный, день недолгий,
мы тебя перечеркнули.
Календарь настенный тонкий—
не такой, как в январе был,
и устраивают гонки
тучи по небу, по небу.

● ● ●
Путь от знакомого до брата—
и путь болезненный обратный...
А так, казалось, будет век:
вино, ночные посиделки,
сентиментальный первый снег
и стопки книг на этажерке
закрывшихся библиотек.

Не будет клятв и заверений,
пронзительных стихотворений,
а дружба—лишь бензопила,
а дружба—только радиола,
но всё-таки она была,
но позабыты разговоры
теперь—источники тепла.

А мостик к прошлому расшатан:
холодное рукопожатье—
не друг ты, друг, не брат ты, брат.
Нет посвящений в новых книгах,
и вряд ли кто-то виноват,
но ходишь-бродишь, как расстрига:
вперёд-назад. Вперёд-назад.

● ● ●
Мы к счастью разными путями
идём, как грибники в лесу,
но прошлое назад нас тянет,
и память хлещет по лицу.

И это нас объединяет—
мы верим в то, что не вернёшь.
Дорога, говорят, иная
есть? Кажется нам, это—ложь.

И возвращаемся назад мы,
в исходный пункт—чего-то ждать:
ведь снова вход закрыт парадный—
заходим с чёрного опять,

как будто сами—чёрнь и челядь
и милости особой ждём,
не зная сами, что же делать
и как подумать о другом.

● ● ●
Вот улица Рабочая и дом шестьдесят три,
и мысли так рокочущи—*что, память, говори!*
О вишне и смородине, черёмухе в саду,
о всех дорогах пройденных—на счастье ли, беду.

Вот улица Рабочая. А дом чужой давно.
И кто-то неразборчиво о чём-то говорит.
Что, новые хозяева, вам так уютно в нём
встречать дожди и зарева, апрели, январь?

Не попрошусь на чай-вино, на пироги-блины,
я промолчу отчаянно—удовлетворены?..
Конечно, понимаете, что к вам несправедлив—
простите! Просто в памяти—один сплошной нарыв.

Вот улица Рабочая. Мне скоро уезжать,
но гостем на обочине пока что постою.
Когда умру—я думаю, сюда моя душа
вернётся, в дом, в избу мою, деревни на краю.

● ● ●
Валентина Ивановна Пастушкова
продавала прекраснейшее молоко:
вспоминаю об этом я снова и снова—
вместе с мамой идём мы за ним вечером,
и Рабочая улица к тропам приводит—
козьим тропам, а дальше—проход по мосту,
и песчаный овраг—метров тридцать он вроде
глубиной. Ничего, рядом смело пройду!
Суетятся стрижи, ведь в овраге—жилища,
Но по-варварски мусор под ними лежит.
Ничего! Прочирикают, что и почище
повидали они в птичьей жизни, стрижи.
Вот Советская улица и сельсовета
образцовое здание, словно в кино,
но нам дальше. Нас ждут в понедельник и в среду,
и в субботу нас ждут, так вот заведено.
..Валентина Ивановна Пастушкова,
улыбаясь, два литра с собою даёт,
и молочное, точное теплится слово.
Девяносто восьмой ли, девятый ли год.

● ● ●
Вот горькая гора, вот кладбище на ней,
как будто бы во сне, как будто бы во сне
идёшь и видишь: вот—могилы и кресты,
и надписи на памятниках все просты.

Здесь бабушка и дед лежат в земле сырой,
и снег лежит вокруг, как будто серебро,
и всё белым-бело, и всё белым-бело,
а под горою горькой—старое село...

● ● ●
Встаёшь. Разлепляешь глаза только в ванной—
немилое мыло стремится в глаза.
Зачем подниматься так рано—так странно,
за окнами вьюга, темны небеса.

Включается радио. Что о погоде?
И что посоветует музыковед?
Я дома остаться сегодня не против,
качаться себе на волнах УКВ.

Скажите, что холодно, что—минус тридцать,
да нет, минус сорок—чтоб наверняка,—
но, видимо, снова от школы не скрыться:
тетради с пеналом ты в пасть рюкзака

кладёшь. Собираешься. И полушубок
напяливаешь, сам себе Филипок,—
обманывать плохо, обманывать глупо,
что, дескать, расклеился и занемог.

Но так хорошо, что ещё до уроков
есть целая вечность, ещё—полчаса,
и время подумать, кривая дорога,
и вьюга в придачу к сырым небесам.

● ● ●
Возьмёт припомнится, приснится
как будто бы из ничего
обыкновенная вещица
из мира детства твоего.
И станет поводом для строчек
или хотя бы для одной:
на кухне с чесноком чулочек
и вентилятор «отставной»
из алюминия. Мы с дедом
продали, разобрав, его:
цветмет. Да Бог с ним, с тем цветметом.
Я помню это для чего—
кастрюлю с крышкою отбитой,
конфеты «Маска», *те* ещё?
Продукты и предметы быта
берутся памятью в расчёт.

Но сам себе отвечаю я так:
из этого растёт она—
поэзия, и так порядок
наводит в мыслях старина.